

Юрий ПОВОЛОЦКИЙ

Он дарил нам частичку своей души...

ВСПОМИНАЯ ОБ ИГОРЕ ЯКОВЛЕВИЧЕ МИТРОХИНЕ

Каждый из нас встречает на своем пути множество учителей — школьных и институтских, профессиональных и нравственных. Но среди них непременно находится тот, благодаря которому происходит судьбоносный выбор, раз и навсегда определяющий течение всей последующей жизни. Таким человеком для меня стал Игорь Яковлевич Митрохин.

Наше знакомство произошло в конце ноября 1973 года, когда учительница сольфеджио и музыкальной литературы ДМШ № 2 Наталья Ивановна Семенкова-Онищук, прослушав мои первые сочинения, настойчиво порекомендовала серьезно и целенаправленно заняться композицией. Так я впервые переступил порог Одесской консерватории имени А.В. Неждановой. Незадолго до этого там была создана экспериментальная группа, целью которой являлось обучение и развитие детей, обладающих яркими музыкальными способностями. Руководил группой старший преподаватель кафедры теории музыки Игорь Яковлевич Митрохин. Меня встретил коренастый, уже немолодой, но подтянутый человек с орденами планками и значком "Мастер спорта СССР" на лацкане пиджака. Поиграв ему несколько своих опусов, я тут же получил первое задание и уже с нетерпением ждал следующего воскресенья.

Именно по воскресеньям проходили занятия в нашей школе, где помимо композиции мы посещали также уроки по теоретическим дисциплинам, которые вели студенты консерватории. Поначалу группа была немногочисленной, но за сравнительно короткий срок разрослась до полутора десятка юных талантов. Митрохин не устраивал строгого отбора, принимал всех, понимая, что любому дарованию необходим срок, чтобы раскрыться, развиться, и, возможно, впоследствии превратить увлечение в свою будущую профессию. Оглядываясь в далекие уже от нас семидесятые с высоты дня сегодняшнего, с радостью отмечаю, что не пропали даром усилия нашего педагога, и стали реальностью его мечты — ведь для доброй половины тех, кто занимался в те годы в классе Игоря Яковлевича, музыка стала и профессией, и судьбой...

Судьба же самого Митрохина сложилась ярко и необычно. Он родился 5 декабря 1921 года в многодетной крестьянской семье, где был девятым по счету ребенком. Спустя несколько лет родители переехали из деревни в Тулу, надеясь, что в городе будет легче прокормиться. Но в то время это было не так-то просто. Все чаще Игорь стал проводить время в компании беспризорников. Поэтому, когда заезжие цирковые артисты, акробаты-вольтижеры Леонид Романцев и Борис Повелко заинтересовались ловким, гибким семилетним мальчиком с тонким музыкальным слухом, родители отдали его им на воспитание. Игорь пробовал себя на манеже в самых разнообразных ипостасях: акробат и жонглер, воздушный гимнаст и клоун. Не счастье мест, где довелось гастролировать Романцевым (по цирковым традициям, трио работало под одной фамилией). В 1933-34 годах во время выступления в Одессе Леонид Романцев встретил свою будущую жену — эстрадную танцовщицу Марию, которая стала названной матерью Игорю.

Волей случая некоторое время спустя он оказался на Одесской кинофабрике (будущей знаменитой киностудии), где в тот момент шли пробы артистов для фильма "Дочь партизана". Конкурс был немаленьким: около 150 девочек и мальчиков проходили собеседование с режиссером Леонидом Маслюковым и, кроме этого, им предлагалось сыграть маленькую сценку из будущего фильма. Для воспитанника цирка, неоднократно выступавшего на аренах в разнообразнейших пантомимах, задание не представляло особой сложности.

В паре с Игорем случайно оказалась девочка по имени Гуля Королева, впоследствии ставшая главной героиней повести Елены Ильиной "Четвертая высота". Именно их дуэт и сыграл главные роли в вышедшем в 1935 году на экраны фильме. Кроме "Дочери партизана" Игорь Романцев-Митрохин снялся еще в шести картинах: "Карл Бруннер", "Солнечный маскарад", "Боевые друзья", "Пантелеевы часы", "Кондукт", "Знаете ли вы украинскую ночь?". Съемки в кино успешно совмещались с работой в цирке все предвоенные годы. Когда же настал грозный час, Игорь, не подлежавший призыву как артист, счел невозможным оставаться в тылу и ушел добровольцем на фронт. Победу он встретил в Вене. Воздушный десантник, командир пулеметного взвода лейтенант Митрохин был удостоен двух орденов Отечественной войны 1-й и 2-й степеней и нескольких медалей.

Война стала своеобразным водоразделом между жизнью прошлой и будущей. Не вернулись с поля боя Леонид Романцев и Борис Повелко, Гуля Королева, многие другие коллеги и друзья. С родителями связь была утрачена давно, и лишь спустя многие годы, когда никого уже не останется в живых, Митрохину с трудом удастся навести справки о них...

После войны Игорь продолжал оставаться в группе советских оккупационных войск в Австрии. И, наверно, далеко не случайным для выбора будущего пути оказалось егохождение в самом музыкальном сердце Европы. Еще в детстве Митрохин самостоятельно научился играть на фортепиано, скрипке, балалайке и мандолине. А затем вместе с соседскими ребятами создал целый оркестр, первое выступление которого состоялось на Ольгиевской улице перед жителями ближайших дворов. Юные артисты исполняли популярные мелодии, подобранные по слуху. Если не помнили какой-нибудь музыкальный фрагмент, Игорь сам придумывал продолжение. Взрослые слушатели, отмечая способности исполнителей, советовали им серьезно заняться изучением нот и музыкальной грамоты. На это дерзкий руководитель оркестра с вызовом отвечал: "По нотам каждый дурак сыграет. А попробуйте без нот!". Но вот наступил момент, когда собственные композиторские замыслы заставили Митрохина задуматься о профессиональном музыкальном образовании.

Он возвратился в Одессу, поступил в музыкальное училище, а после его окончания — в консерваторию, которую окончил с отличием, когда ему уже было за сорок. Тогдашний ректор Серафим Дмитриевич Орфеев предложил Игорю Яковлевичу вести на кафедре теории музыки специальный курс гармонии и сольфеджио. Параллельно с преподаванием он продолжал сочинять музыку для театра, цирковых представлений, инструментальные пьесы для педагогического репертуара и, конечно же, песни.

Несколько митрохинских учеников продолжили композиторское образование в столичных вузах — Московской консерватории и Гнесинском институте. Но Игорь Яковлевич был горячим сторонником того, чтобы также готовились кадры и для своей альма-матер. Именно это и способствовало появлению той самой экспериментальной группы, превратившейся позднее в школу десятилетку, выпускники которой впоследствии могли бы пополнить ряды студентов Одесской консерватории.

На занятиях по композиции одновременно присутствовали как дети младшего школьного возраста, так и ребята, уже всерьез подумавшие о профессиональном будущем. Тем не менее, несмотря на разницу в возрасте учеников, среди старших никогда не бывало скучающих или откровенно смотрящих свысока на первые опыты семи-восьмилетних дебютантов. Всем уделялось равное внимание, а услышанное подробно обсуждалось и анализировалось сообща. Вот что писала об этом журналист Инна Богачинская в статье "Время бегущее, тягучее, торжественное...", опубликованной в газете "Вечерняя Одесса" в 1976 году:

"На уроках у Митрохина не услышишь пустой и, в общем-то, жестокой фразы: "Мне не

нравится!". Он расшифровывает ученикам сложные для них формулы своих мыслей, но никогда их не навязывает. Бывали случаи, когда кто-то из его питомцев получал одно задание, а на урок приносил сочиненное не по плану — скажем, сонату, о построении которой не имеет ни малейшего представления. Даже в этом случае Митрохин никогда не порицает ученика за недисциплинированность, напротив, старается объяснить юному творцу суть самой сложной в композиции формы — сонатного аллегро. И слова находят доходчивые.

— Это как спектакль в театре. Сначала перед нами проходят все основные персонажи — темы сонаты. Потом они вступают друг с другом в дискуссию, в разговор, взаимодействуют. Догоняют друг друга или спорят, веселятся или любуются природой. Но кто-то, чей-то взгляд, чья-то точка зрения на мир непременно побеждает..."

Очень часто новые образы возникали у нас после изучения на уроках музлитературы тех или иных произведений композиторов-классиков. Воздействовал и сам стиль музыки. Помнится, что в какой-то момент в моих сочинениях стало проявляться устойчивое влияние Гайдна и Моцарта. Игорь Яковлевич, принимая это явление как временное, все же настойчиво советовал "освежать гармонию" и приводил в пример Прокофьева, новизну его аккордики и гармонической логики. Конечно же, Митрохин опирался и на образцы романтической музыки XIX века. Нередко, предостерегая от бесформенных длиннот в наших работах, он играл в качестве примеров наиболее лаконичные из шопеновских прелюдий. Всегда обращал внимание на ясное и убедительное голосоведение Петра Ильича Чайковского. Когда же наступил период освоения современного языка, и в своих опытах мы забирались куда дальше некогда рекомендованного Прокофьева, Игорь Яковлевич всегда поощрял наше воображение. При этом он частенько рекомендовал прислушаться к музыке Шостаковича и Щедрина, Бартока и Хиндемита, других композиторов второй половины XX столетия, рассказывал о тех или иных направлениях и их наиболее ярких представителях.

Творческие отчеты учащихся заслушивались на заседаниях кафедры теории и композиции, и тогда экзаменаторами выступали Игорь Ассеев, Александр Красотов, Тамара Сидоренко-Малюкова... Регулярно в те годы устраивались различные конкурсы, посвященные какому-нибудь очередному юбилею, отмечаемому в стране: например, 30-летию Победы или 60-летию Октябрьской революции. И, как правило, наши ученические произведения удостоивались различных премий. Средства массовой информации также уделяли внимание детскому Игорю Яковлевича. На Одесской студии телевидения существовала программа "Маленькая филармония", в которой периодически принимала участие вся экспериментальная группа. Публиковались статьи в уже упомянутой выше "Вечерней Одессе".

Шли годы, менялся состав учеников. Некоторые продолжали заниматься композицией в школе имени Столярского, другие взяли курс на исполнительские специальности, для третьих музыка не стала серьезным занятием. Разными дорогами пошли и самые одаренные ученики Митрохина. Пианист Алексей Ботвинов, гобоист и дирижер Владимир Дикий, композитор Ирина Ярошевич (Сегаль) живут и работают в Одессе. Выпускники соответственно Московской и Петрозаводской консерваторий, композиторы Аркадий Серпер и Владимир Шинов, переехали в США. В Израиле продолжают творить выпускники Российской Академии музыки имени Гнесиных Борис Пиговат и автор этих строк. Там же находится и талантливый джазовый пианист Дмитрий Шехтер, один из семилетних "малюток", уже тогда обративших на себя внимание. Не могу не вспомнить таких способных ребят, как Александр Максимов и Анатолий Тесля, жизнь которого трагически оборвалась несколько лет назад...

К сожалению, в конце 70-х годов в отношениях Игоря Яковлевича с тогдашним руководством Одесской консерватории наметились серьезные разногласия, которые постепенно углублялись. Складывалось впечатление, что никто не заинтересован в митрохинских усилиях по воспитанию и подготовке новых кадров. В результате в 1982 году по достижении пенсионного возраста ему было предложено уйти, и группа прекратила свое существование. Это было тяжелым испытанием для человека, искренне преданного своему учебному заведению. Но Митрохин умел держать удар и продолжил работу

в музыкальной школе № 8, где с увлечением преподавал более 25 лет.

К тому времени я уже был студентом Гнесинского института (как тогда называлась нынешняя Российская Академия музыки). Когда под руководством Игоря Яковлевича шла подготовка к вступительным экзаменам, то, по сути, мне удалось в индивидуальном порядке пройти тот самый специальный курс гармонии, который читался студентам. Разумеется, гармонией дело не ограничивалось. Наши встречи, проходившие у Митрохина дома, нередко затягивались надолго. Мы много говорили о музыкальной эстетике, расширили границы творческого диапазона, пытались представить развитие музыки в обозримом будущем. Все это было очень важно и ценно для меня. У Игоря Яковлевича была большая музыковедческая библиотека. И часто его суждения подкреплялись фрагментами из открываемых в нужный момент книг. Он рассказывал мне о своих встречах с Исааком Дунаевским, о творчестве которого в свое время намеревался написать работу. Показывал переписку с Арамом Хачатуряном. Горячо поддерживал мое намерение продолжить учебу в выдающегося педагога Генриха Ильича Литинского. Первые оркестровые произведения я также сочинял под непосредственным руководством Игоря Яковлевича. Его колоссальный опыт помогал постигать премудрости инструментовки для различных инструментальных составов. Нередко я пользовался его советами и помощью уже в студенческий период. Связь между нами не прерывалась. Приезжая в Одессу на каникулы, я всегда приходил к нему со своими новыми работами. Несколько раз и он навещал меня в Москве.

Со временем все реже и реже доводилось бывать в своем родном городе, а затем я переехал в Израиль. И долгих 19 лет прошло, прежде чем снова увидел Одессу. Это произошло в июле 2008 года. С трепетным чувством я ждал встречи с дорогим мне человеком. Игорю Яковлевичу исполнилось на тот момент уже 86. Он похудел, было заметно, что годы берут свое. И все же остались блеск в глазах, потрясающая подвижность молодого человека, живость восприятия происходящего. Он внимательно слушал музыку в записях, в живом исполнении, задавал вопросы... Вместе вспоминали общих знакомых, коллег, учителей. И было ощущение, что мы оба получаем огромный энергетический заряд друг от друга.

А несколько дней спустя мы встретились снова, и Игорь Яковлевич принес копии газетных статей, некоторые фотографии, рукописи небольших фортепианных пьес, написанных в последние годы (любопытно, что среди них были как простенькие миниатюры для начинающих, так и сложнейшие опыты в додекафонной технике — все ему было интересно!). Словно было у него предчувствие, что эта встреча — последняя... Долго мы не могли расстаться. Он говорил, что мечтает прожить еще лет пять, как раз до 100-летия родной консерватории...

Несколько раз потом мы разговаривали по телефону. Вскоре случилось несчастье — тяжело заболела его жена, и все силы теперь отдавались уходу за ней. Минувал 87-й день рождения, наступил 2009 год... И снова я собирался в Одессу, где в конце апреля предстоял мой авторский концерт в филармонии. Но Игорю Яковлевичу уже не довелось присутствовать на нем. В марте его не стало. Произошло это как-то быстро, не все даже заметили его уход...

Когда-то давно одна из знакомых Митрохина отозвалась о нем как о романтике. И действительно, впоследствии я неоднократно убеждался, что полет воображения, импровизационная стихия неизменно преобладали у Игоря Яковлевича над так называемым рациональным началом. Море и природа служили для него наиважнейшими источниками вдохновения и творчества. Не будучи урожденным одесситом, он был бесконечно предан городу, ставшему для него родным. Разделяя моральные ценности своего фронтového поколения, всегда при этом трезво оценивал многие далеко не однозначные явления нашей жизни.

Возможно, он мог бы добиться и большего. Так и не став членом Союза композиторов, не сделав солидную академическую карьеру, Игорь Яковлевич, тем не менее, никогда не сетовал на судьбу, был щедр по отношению к более удачливым коллегам. Не стремился удержать подрастающих учеников, а наоборот, с радостью благословлял их, когда они устремлялись совершенствоваться в своей профессии. Он дарил нам частичку своей души. И таким останется в памяти навсегда.

Иерусалим, февраль 2010 г.